

НАША МИСЛЬ

1-й годъ изданія.

Иркутскъ. Среда, 22-го декабря 1910 г.

Газета общественная, политико-экономическая и литературная.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой.

Цѣна объявленій:

	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Внутри Имперіи	7 р.	4 р.	2 р.	75 к.
За границу	12 р.	7 р.	4 р.	1 р. 50 к.

За строку цѣнита впередъ текста—20 к., позади—10 к.

Годовыя и мѣсячныя объявленія по соглашенію съ конторой.

Ищущимъ труда дѣлается большая уступка.

Цѣна номера въ розничн. продажѣ 5 коп

Редакція и контора газеты помѣщаются въ домѣ Розень по Пестеревской ул.

Редакція для переговоровъ открыта съ 10 час. утра до 3 час. дня; контора открыта съ 9 час. утра до 6 час. вечера. Объявленія послѣ 6 час. вечера могутъ быть сдаваемы въ типографію Макушина и Посохина, Большая ул.

Объявленія изъ нѣсѣхъ мѣстъ и странъ принимаются въ конторахъ: Торговаго Дома „Л. и Э. Метиль и К^о“ (Москва, Мясницкая, д. Сытова; Варшава, Маршалковская, 130 и Петербургъ, Б. Морская, 11); Гольдина Н. П. (Москва, Тверская, д. Бахрушина); Х. Б. Грацъ и Сынъ (Вильна, Большая, 60).

№ 12

Театръ и музыка.

Дядя Ваня—А. П. Чехова.

Чеховъ никогда не мечталъ о драматургии и авторомъ своихъ пьесъ, составившихъ славу Московскаго художественнаго театра, онъ сдѣлался „невзначай“, какъ онъ говорилъ одному своему пріятелю. „Въ это дѣло я попалъ, братъ, фуксомъ. Театръ совсѣмъ не мое дѣло“, говорилъ Ант. Павл. и рассказывалъ, какъ онъ сталъ драматургомъ. „Какъ-то былъ я въ театрѣ Корша, шла новая пьеса, вычурная, пропротивная. Ни складу, понимаешь, ни ладу, я и началъ, что называется, рашенить пьесу. А Коршъ охидничаетъ и говоритъ:

— А вы бы, вмѣсто того, чтобы критиковать, лучше взяли бы да написали пьесу.

— Хорошо, я напишу, отвѣчаю. Такъ и произошелъ „Ивановъ“.

— И долго ты работалъ надъ нимъ?

— Не особенно. Недѣли двѣ съ чѣмъ-то“.

А вотъ еще небольшой характерный эпизодъ. На первомъ представленіи въ Александринскомъ театрѣ шумно провалилась чеховская „Чайка“, и осмѣянный, чуть-что не освищенный авторъ убѣжалъ изъ театра и изъ Петербурга. Когда же Немировичъ-Данченко сообщилъ Чехову, что вотъ возникаетъ новый театръ [художественный], и что онъ хочетъ сдѣлать „Чайку“, Чеховъ пришелъ въ истинный ужасъ. Сталъ молить не дѣлать этого: „я не для театра! Театръ только опять и мучаетъ меня, издергаетъ всѣ нервы. Не надо! Пощади!“

Но нужно, конечно, говорить, что художественный театръ вернулъ Чехова русской драмѣ Любопытно, что на зарѣ художеств. театра Станиславскій говорилъ: „Чеховъ? „Чайка“? Да разве можно это играть? Я ничего не понимаю“. И долго не могъ понять. Даже когда театръ изъ мечты сталъ действительностью и въ репертуаръ была включена „Чайка“, которую долженъ былъ режиссировать Станиславскій, то присылал по частямъ планировку пьесы изъ деревни, гдѣ онъ ее готовилъ, каждый разъ прибавлялъ:

„Я не понимаю“.

Родоначальникъ и глава „Чеховскаго“ театра не понималъ, самъ Чеховъ не вѣрилъ.

Видя чеховскій репертуаръ въ исполненіи довольно солидныхъ труппъ подъ руководствомъ талантливыхъ и интеллигентныхъ режиссеровъ и не получая ожидаемаго впечатлѣнія, и, боясь высказать зарождавшееся на днѣ души сомнѣніе въ драматическомъ талантѣ Чехова, говорилъ, что или я не понимаю, или артисты играютъ безъ пресловутаго „настроенія“. Вотъ художественный театръ, и мнѣ пришлось видѣть „Дядю Ваню“ въ исполненіи художественниковъ. Первое мое посѣщеніе театра совпало съ чеховской пьесой. Уже съ утра я волновался, первичалъ, ожидая вечера. Наконецъ, сию же первыхъ рядовъ пертора и, что называется, „пожираю“ глазами все, что происходитъ на знаменитой сценѣ.

...Грустно, съ глубокой болью въ душѣ возвращался я изъ „чеховскаго дома“. Мои мечты и ожиданія не сбылись,—впечатлѣнія не было. Еще болѣе станетъ понятнымъ мое настроеніе, если и скажу, что въ то время я вступалъ въ число сотрудниковъ художественнаго театра и, кромѣ искусства, смысла и цѣли жизни ни въ чемъ не видѣлъ. Итъ, Чеховъ, родной близкій Чеховъ, полнующій грустно-смѣющимся великій художникъ миниатюры и совершенно... бездарный драматургъ. Такъ говорилъ я, повернувшись отъ Станиславскаго. Прошелъ годъ, и въ субботу, 18 декабря, на сценѣ Иркутскаго городского театра мнѣ пришлось снова видѣть „Дядю Ваню“ въ исполненіи труппы г. Вородая. И что же?

Впечатлѣніе огромное, невыразимое и цѣльное! Чеховъ снова вернулся въ душу, наполнивъ ее титимъ посяоргомъ и ноющей болью, растрепожилъ на ея днѣ мучительно-острыя и дорогие раны. Что же это значитъ? Исполненіе было лучше или артисты талантливы?

Итъ, ничего подобнаго.

Просто я подошелъ со слишкомъ большимъ масштабомъ къ искусству вообще и Худож. театру въ частности. Только три дня назадъ я убѣдился, что Чехова можно только исполнить съ „настроеніемъ“ не только на сценѣ, но и въ душѣ и психологическіи зрители Настоящій періодъ нашей жизни, такъ скучный, пасмурный день русской интеллигенціи, наиболѣе подходящъ для восприниманія впечатлѣній отъ пасмурнаго чеховскаго творчества изъ ничего. Пройдетъ много времени, и мы забудемъ жизнь, а такіе титимы драматургии, какъ Ибсенъ, Толстой, Островскій будутъ жить, будутъ волновать и захватывать, а Чеховъ, нашъ родной, грустный Чеховъ будетъ работать, какъ драматургъ, и мало понинетъ, какъ миниатюристъ. Если Островскаго и Чехова сравнить въ литературномъ и художественномъ отношеніи, то нормальное сравненіе со вторыми будетъ стоять нише несправедливой критики. Если же сравнить какъ драматурговъ, то Островскій безусловно талантливѣе Чехова. Но вотъ, въ чемъ послѣдняя итъ дѣйствія, итъ несправедливости и ясно выраженнаго идолъ, и потъ, такъ сказать, одна чеховская психологія въ лицахъ. Но эти психологіи наша, интеллигентская, пограничная и потому такъ волнуетъ и захватываетъ сейчасъ на сценѣ.

Возвращаясь къ пьесѣ „Дядя Ваня“ шедей въ городскомъ театрѣ, я долженъ сказать, что она исполнѣ оказалась въ силахъ для труппы. Чтобы играть Чехова, не нужно сильнѣхъ отдѣльныхъ артистовъ, нужны интеллигентные и опытные артисты съ вдумчивыми режиссерами во главѣ. И это было у артистовъ. Конечно, роль „Дяди Вани“ не въ аншлазъ г. Петрова - Краевского, любовника-героя, здѣсь нуженъ невзрачный, какъ Орленевъ, какъ Вишневскій въ худож. театрѣ, но все-таки артистъ провелъ эту главную роль хорошо и ровно, безъ лишняго пафоса и нытья, которыми злоупотребляетъ даже Вишневскій. Если продолж. тѣ дайте, сравнить съ художественникомъ, то г-нъ Шнитъ былъ несколько не хуже г. Лужского въ роли профессора Серебрякова, а въстаніе производилъ огромное впечатлѣніе. Какъ живой представлялся у Шнита, Серебрякова, пытожный книжный червь, тридцать лѣтъ читавшій лекціи объ искусствѣ, ничего не смысля въ немъ! Дайте, не только не хуже но, нѣ кажется, даже лучше была г-жа Петрова—Сони.

Артисты вообще удаются такіа роли, а Сони въ особенности удалась.

Роль Марини провела г-жа Чернишская вѣрно и со свойственной ей въ этиа роляхъ выдержанностью.

Вотъ, дальше немного идутъ артисты, не совсѣмъ соответствующіа своимъ ролямъ, а неинтересны въ труппѣ подходящихъ исполнителей.

Преждѣ всего г-нъ Градовъ.

Можетъ, послѣ Станиславскаго-Астрова, трудно судить игру г. Градова въ этой же роли, но нѣ кажется, прежде всего артистъ не пональ Астрова или же не въ его силахъ эта роль, скорее послѣднее. У г. Градова получился не умный, даровитый, уже гнущійся подъ тяжестью безпросвѣтнаго существованія, нелюбимый, съ черными лицами докторъ Астровъ, а довольно развѣшенный, веселый, немощно пошловатый, умный фатъ.

Въ вѣстахъ, гдѣ сворѣ драма, чѣмъ сильнѣ публики оглушительно слышались надъ жестикомъ артиста. Напр., въ сценѣ объясненія съ Еленой Андреевной и во время появленія дяди Вани съ букетомъ цвѣтовъ. Очень было больно смотреть на умнаго артиста, понавившаго Астрова, и слышать слыш надъ нелюбимымъ героемъ Чехова. Къ сожалѣнію въ труппѣ, если не считать г-на Вырубова, не подходящаго къ роли Астрова, совсѣмъ нѣтъ „невзрачныхъ“.

Въ общ-вѣ довольно популярной Еленой Андреевной была г-жа Воронцова, но послѣ того какъ видѣлъ игру г-жи Книпперъ (жени Чехова) трудно получить впечатлѣніе отъ другой артистки.

То же можно сказать и про талантиливаго комика г-на Кудрявцова — Вафли.

Въ худож. театрѣ эту роль играетъ неподражаемый артистъ г. Артемъ.

Общая постановка была вполне недурна и художественна.

Словомъ, попытку поставить Чехова труппой городского театра нужно приветствовать.

Спектакль шелъ въ пользу о-ва помощниковъ врачей и привлекъ очещь много публики.

Мих. Назанцевъ.
